

Правозащитник Нина Терехова

Правозащитник Нина Терехова

Статьи. Интервью. Воспоминания

УДК 323.24(92)(471.317)
ББК 66.74(2Рос-4Кос)
П 685

Редактор-составитель: Николай Сорокин.

В подготовке издания участвовали: Нина Бабкина, Сергей Бабкин,
Александр Замярянов, Александр Коньков, Алевтина Новикова,
Николай Суворов.

Корректор: Ольга Батырова.

Верстка: Михаил Ананьев.

П 685 Правозащитник Нина Терехова. Статьи. Интервью. Воспоминания /
Комитет солдатских матерей Костромской области; редактор-
составитель: Николай Сорокин. – Кострома: Костромской центр
региональных исследований, 2018. – 50 с.: ил.

ISBN 978-5-6041834-0-3

Нина Олеговна Терехова (11.10.1947–11.03.2013) – правозащитник и общественный
деятель, основатель Комитета солдатских матерей Костромской области.

УДК 323.24(92)(471.317)
ББК 66.74(2Рос-4Кос)

© Костромская областная общественная
организация «Комитет солдатских матерей», 2018.

© ООО «Костромской центр
региональных исследований», 2018.

ISBN 978-5-6041834-0-3

Нина Терехова

Краткая биографическая справка

Нина Олеговна Терехова родилась 11 октября 1947 года в украинском городе Проскуров (в настоящее время – Хмельницкий).

Окончила костромскую школу №25, затем – Костромской государственный педагогический институт им. Н.А. Некрасова по специальности «химия и биология». Работала сотрудником музея, преподавателем средней школы, инспектором областного и городского комитетов экологии, сотрудником исполкома партии «Яблоко», помощником депутата Госдумы.

Нина Терехова активно занималась защитой прав призывников, военнослужащих и их родителей. В 1998 году создала Комитет солдатских матерей Костромской области, первоначально действовавший как неформальная группа правозащитников и гражданских активистов.

В начале 2004 года комитет получил статус регионального отделения Общероссийской общественной организации «Комитет солдатских матерей России», но продолжал работать без юридического лица.

По инициативе Нины Тереховой 8 декабря 2004 года учреждена, а 21 февраля 2005 года официально зарегистрирована Костромская областная общественная организация «Комитет солдатских матерей».

Нина Терехова избиралась членом правления Комитета солдатских матерей России, председателем Общественной наблюдательной комиссии Костромской области, членом Общественной палаты Костромской области, членом Общественно-политического совета при губернаторе Костромской области, председателем регионального отделения и членом Бюро Федерального совета партии «Яблоко».

Активно участвовала в работе общественной инициативы «Гражданин и армия», коалиции «За демократическую альтернативную гражданскую службу», Общероссийской общественной организации «Совет родителей военнослужащих России», Костромского областного общественного экологического движения «Во имя жизни», Межрегиональной общественной организации «Ассоциация независимых наблюдателей», Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», сотрудничала с Московской Хельсинкской группой и другими правозащитными организациями. Была автором ряда аналитических докладов и публикаций в СМИ.

Ушла из жизни после тяжелой и продолжительной болезни 11 марта 2013 года. Похоронена в Костроме.

СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

2004

Нина Терехова: «Наша армия тяжело больна»

...Какие бы громы и молнии не метали в адрес комитетов солдатских матерей некоторые политики и высокие армейские чины, именно эти комитеты для многих ребят, попавших в трагические переплеты современной службы, становились последней соломинкой и надеждой. Костромскому одноименному комитету всего полтора года, но на его счету немало добрых дел и попросту спасенных судеб. А ведь здесь все на общественных началах, без зарплат и премий.

Почему и зачем женщины вмешиваются в дела армии? Об этом сегодняшний разговор с человеком, чье бесстрашие, бескомпромиссность и работоспособность достойны восхищения. Нина Олеговна Терехова – из рода, где мужчины, начиная с Михайло Потехина, служившего у Ивана Грозного, были причастны к военному делу. Сама она по профессии педагог-биолог. Будучи женой военного немало в свое время поколесила по стране. Вернувшись в Кострому, профессионально занималась проблемами экологии.

– Нина Олеговна, комитет солдатских матерей, вами возглавляемый, возник не по указке сверху?

– Разумеется, нет. Все началось с того, что более двух лет назад в приемную партии «Яблоко», где я работаю, пришел замечательный человек, настоящий боевой летчик I класса, прошедший Афганистан, – Константин Константинович Клепацкий. Пришел с просьбой добиться справедливости, которой не нашел во многих других инстанциях. Оказывается, ему после указа Президента о надбавках летчикам I класса пересмотрели и снизили пенсию. Человек потерял изрядно в деньгах, но дело даже не в них. Очень обидно боевому летчику получать пенсию, полагающуюся технику, который в небо ни разу не поднимался. И мы, чтобы восстановить ему прежний размер пенсии, работали более полутора лет. Пришлось выходить на самые высокие инстанции, вплоть до Министерства обороны. Хлопоты, в конце концов, увенчались успехом. После этого в приемную «Яблока» стали обращаться многие военнослужащие с самыми разными проблемами. И тогда мы написали заявление в Москву, в Комитет солдатских матерей России, с просьбой принять нас в их состав.

Из газеты «Молодежная линия». 2004 г.

– С какими проблемами к вам чаще обращаются?

– Все и не перечислишь. Проблемы возникают уже в момент призыва. Был случай, когда призвали мальчика, который месяц назад лежал в стационаре с заболеванием почек. Ему бы полгода реабилитации в нормальных условиях, а его – в армию. Естественно, там он попадает в медсанчасть, а через месяц его вынуждены комиссовать. Чья это ошибка? Считаю, что во многом недорабатывает призывная комиссия Костромы. Это не единственный случай, когда парень после призыва оказывается негодным к военной службе. Понятно, что военкомату надо

план выполнять, но не ценой же здоровья солдат! Костромича Юрия Милова признали годным к военной службе с серьезным сердечным заболеванием и гипертонией, а на второй день по прибытии в Белгород его с приступом направляют в больницу. Скорее всего, он тоже будет комиссован.

– Наши медики считают, что все хотят «откосить»?

– Тот, кто хочет откосить, тот откосит. Практика показывает, что сыновья самих военнослужащих, которые чином выше майора, в армии не служат. Исключения крайне редки, например, генерал Шпак, сын которого погиб в Чечне. Честный человек, над которым издевается в своих речах Жириновский.

Что касается характера обращений к нам, то нельзя не сказать о чиновничьем духе, процветающем в военкоматах. Обратилась к нам недавно мама солдата, уволенного из рядов армии в 1999 году – он три года не мог получить военный билет. Военкомат посылал парня за ним по месту службы, а там уверяли, что билет давно выслали в Кострому. И лишь после многочисленных наших обращений выяснилось, что документ с 2000 года пылится в бумагах костромского военного комиссариата! А представляете, что такое уволенный в запас без военного билета? Это, по сути, бомж, не имеющий права получить паспорт и нормально жить.

Очень беспокоит ситуация с ребятами, проходящими службу по контракту в Чечне. В наш комитет обращались и матери, и сами солдаты по поводу неполучения положенного денежного довольствия. Представляете, солдаты из роты разведки, участники настоящих боевых действий по окончании контракта остаются ни с чем! Их или обворовывают прямо в Чечне (вариантов много – подкарауливают, грабят в поездах, за огромные суммы предлагают вывезти за границу Ингушетии, а по дороге избивают и грабят), или более «изысканным» образом: рекомендуют «в целях безопасности» открыть дома счет в Сбербанке, сообщить реквизиты в часть и ждать положенные деньги. Ждать их можно всю оставшуюся жизнь! Это очень серьезные вещи. И я очень удивлена, почему до сих пор прокуратура Вооруженных сил не обратила внимание на тотальную облаву на ребят-контрактников, возвращающихся домой с деньгами.

– Нина Олеговна, а как с пресловутой дедовщиной?

– Она не пресловутая, а страшная. Как ни парадоксально, наиболее тяжелая ситуация в так называемых элитных частях – Подмоскowie, Наро-Фоминске, Алабино, в той же Кантемировской дивизии. Дедовщина там процветает просто ужасающим образом. Ребят заставляют выпрашивать деньги. Старослужащие просто выпинывают по ночам их на улицу, чтоб они собирали в пользу «дедов» милостыню – по сто рублей каждому, покупали для них дорогостоящие сигареты, а для некурящих – сладости. А еще карточки для сотовой связи – полагаю, это уже для офицеров. У меня есть письмо мальчика, где он пишет маме, что больше не может так служить: каждую ночь они обязаны прислуживать «дедам», готовить им вкусную пищу и быть объектами для битья. Наши ребята просят родителей выслать им деньги. Не стоит этого делать! Их у них отбирают. У нас есть жалобы даже из военной академии им. Фрунзе, в которой просто-напросто издеваются над ребятами. А это наша знаменитая кузница боевых офицеров... Куда уж дальше-то?

– Ваши прогнозы о деле Дмитрия Белоусова из ракетной части, о котором наша газета недавно рассказывала?

– Дима Белоусов – это боль и трагедия, и стыд нашей армии. На честного, справедливого парня, который испытал на себе все «прелести» дедовщины и дал слово, что не допустит среди сослуживцев неуставных отношений, попросту сфабриковали дело. Тот, кто действительно избивал солдата Булатова (а в придачу совершил немало других противозаконных деяний), удивительным образом сухим вышел из воды и даже признан негодным к несению военной службы. А поскольку случай стал известен

проверяющим из армии, то на роль «подставы» и «мальчика для битья» был выбран Белоусов. Командир части знал, что у мальчишки нет отца, а мать серьезно больна, потому был уверен, что тот быстренько возьмет на себя чужую вину и согласится на какое-то условное наказание. И этим бы исчерпался весь конфликт. Но Дима, к удивлению, не согласился, а его мама обратилась за помощью, куда могла. Суд приговорил невиновного парня к девяти месяцам заключения в дисциплинарном батальоне.

Из семейного архива.

И не за его мифическую «вину» (невооруженным взглядом видны ее белые нитки), а как раз за то, что посмел отстаивать свои права. Диме, ребятам из части, которые его поддержали, комитету солдатских матерей, да и прессе было показано: вы – никто и закон – ничто, а мы жили и будем жить по своим корпоративным правилам. Результат? Дима сидит на гауптвахте, порядочный подполковник Медведев, который честно пытался разобраться в случившемся, насколько мне известно, увольняется из части, а так называемый психолог части Косарев, признававшийся мне, что бьет солдат только за дело и беззастенчиво оговаривший Белоусова на суде, повышен в звании. Считаю, что пока дело Белоусова будет рассматриваться под юрисдикцией ракетных войск, зарекомендовавшей себя крошечной корпоративностью и поруганием законности, справедливого приговора ждать не стоит. Но мы будем продолжать бороться дальше, вплоть до Европейского суда по правам человека.

– Куда, кроме как в комитет солдатских матерей, могут еще обращаться солдаты за помощью?

– Недавно мне довелось побывать на гражданском форуме в Москве, в рамках которого состоялся «круглый стол», посвященный проблемам армии. Я выступила и задала вопрос: «А кто конкретно отвечает за жизнь, здоровье и судьбу солдата?» Мне сказали: «О! У нас столько структур!» А потом было долгое перечисление «конкретных отвечающих»: сержант,

командир взвода, командир роты и т.д. И получается, что «структур» много, а ребята бесправны. И даже прокуратура, которая в первую очередь должна быть заинтересована в соблюдении законности, руководствуется совершенно другими интересами. В данном случае речь о прокуратуре ракетных войск.

– *Нина Олеговна, военные чины на вас, наверное, смотрят как на врага народа?*

– Вовсе нет. У комитета самые добрые отношения с прокуратурой Костромского гарнизона, мы благодарны всем ее сотрудникам за внимание и отзывчивость к нашей общей работе. Внушает уважение их грамотный, вдумчивый и справедливый подход к делам военнослужащих. Был случай, когда в одну из воинских частей приехала мать солдата, а сын ее оказался жестоко избит сослуживцем. Женщина, конечно, пожаловалась, и дело было прокуратурой гарнизона тщательно расследовано. Солдату за неуставные отношения дали срок. Но я была на судебном заседании и видела, что он понял, за что получил наказание, и был с ним согласен. И это не случайно, поскольку суд был проведен очень тактично, даже интеллигентно и в соответствии с законом!

Очень уважаю умного, грамотного и толкового командира наших десантников – Владимира Николаевича Лутового. К великому сожалению, на днях в его части случилось страшное происшествие – покончил жизнь самоубийством солдат.

– *Опять дедовищина?*

– Идет расследование, выводы делать рано. Но, насколько известно, мальчик свел счеты с жизнью из-за систематического избиения офицером. Не перенес унижений.

– *Не представляется ли вам наша армия дробильной машиной мальчишеских душ и здоровья?*

– Я – дочь, внучка и правнучка военных, конечно же, слова о воинской чести для меня не красивая фраза. Верю, что в Вооруженных силах есть настоящие люди, но надо признать: сама армия очень больна. Для того чтобы в этом убедиться, не нужно далеко ходить, а провести хотя бы некоторое время у ворот проходной Костромской ракетной части. За восемь месяцев, в течение которых «готовилось» дело Димы Белоусова, нам довелось наблюдать, как офицеры заходят в кафе «Полигон» и в каком состоянии возвращаются в часть. Пьяный офицер позволяет себе забрать у солдата кусок колбасы, который мать только что передала для сына. Правда, он может потом извиниться, но от

этого ничего не меняется. Солдаты видят, что офицеры пьют прямо в расположении части и в то же время могут запустить в парня табуретом, если покажется, что тот задремал.

А ведь известно, что во всех крайних ситуациях солдат с офицером находятся рядом плечом к плечу. Какие же тут взаимовыручка и взаимопонимание? И разве на зуботычинах и тычках их воспитаешь?

Сейчас наша армия находится на той стадии развития, когда служба в ней непрестижна и неинтересна. И, честно говоря, не знаю, чем можно в нее привлечь. И все же приходят молодые ребята, которые действительно хотят служить и защищать свою Родину. Вот только Родина-то им ничего не дает. Речь не о прожженных армейских приспособленцах, которые свои шкурные интересы удовлетворят любым способом, а о молодых романтиках-офицерах. Представьте: новоиспеченный лейтенант – жилья нет, зарплату не получает, а если женится, то жене негде работать, а ребенок болеет в этих тяжелых условиях. Невольно подумаешь: вот он, героизм. Для того чтобы реформировать армию, совершенно необязательно переодевать ее в новую форму, как это было сделано недавно. На эти огромные деньги лучше бы что-то в быту лейтенантов поменять.

– *Какие у вас «технологии» по защите ребят?*

– Самые разные. Во-первых, у нас крепкие связи с Московской Хельсинкской группой, многими российскими правозащитниками и региональными комитетами солдатских матерей. И, конечно же, нам помогают некоторые депутаты Госдумы. А самое главное то, что везде есть хорошие люди.

– *Нина Олеговна, ради чего вы взвалили на себя эту тяжелую ношу?*

– Видите ли, сейчас такая непростая жизнь, вырастить ребенка так сложно, воспитать достойного человека еще сложнее, а погубить так легко! Поэтому я считаю, если из десяти мальчишек мы сможем помочь хотя бы двум, то это уже хорошо. И этим окупаются какие-то нравственные, физические и материальные затраты. Кто-то же должен этим заниматься!

Алевтина Новикова

Новикова А. Нина Терехова: «Наша армия тяжело больна» // Молодежная линия (Кострома). 2004. 7 января. С. 5.

2005

Нина Терехова: «Буду рада, если комитеты солдатских матерей останутся без работы»

Сегодня в офис комитета паломничество. Понятно, что идет призыв на военную службу, и многие родители и призывники нуждаются в грамотной консультации по своим проблемам. Иногда здесь слышат и такое: «Подскажите, как откосить от армии». Таких вот простодушных и наивных приходится разочаровывать: откосить – значит воспользоваться какими-то нечистоплотными средствами, обойти закон. Таких консультаций здесь, конечно, не дают.

В работе комитета солдатских матерей поставлены четкие цели. Какие? Об этом рассказывает его председатель Нина Олеговна Терехова.

– Первая задача – защита наших детей, которые уходят служить в регионы. Надо смотреть в глаза фактам: за период перестройки в Российской армии погибло десять тысяч человек. Если мать отправляет своего ребенка служить, она вправе надеяться, что его не искалечат, не выкинут по дороге из вагона, не доведут до психического расстройства издевательствами. Комитет сейчас открывает отделения в районах области. Работа их начнется с писем в части, куда направляют наших ребят. О чем письма?

О том, что в этой части служит наш земляк, что мы интересуемся, как будет проходить его служба, и надеемся, что он вернется домой живым и здоровым. Мы напоминаем, что за его жизнь и здоровье отвечает командир. Мы будем благодарны, если служба будет проходить в достойных условиях, и не оставим без соответствующей реакции факты дедовщины, ненадлежащих условий и всего прочего, что мешает призывнику исполнять воинский долг.

Вторая задача – помощь тем, кто служит на территории Костромской области.

Третья проблема, с которой мы сталкиваемся, – это призыв в армию больных детей.

– Действительно проблема?

– Действительно. Недавно мы провели совместный семинар с комитетом солдатских матерей Санкт-Петербурга. И выяснили удивительную вещь: в процентном отношении из Костромской области берут в три раза больше призывников, чем из Санкт-Петербурга. У них 4,5 тысячи парней, у нас – 1200. Видимо, завышенная цифра – одна из причин этого явления.

– Вы можете привести какие-то примеры?

– Да, разумеется. Мы занимались ситуацией с одним мальчиком из Нерехты. У него серьезнейшие проблемы с почками, три или четыре года был на инвалидности, и вдруг незадолго до армии инвалидность снимают и чуть было не отправляют служить.

Но дело в том, что серьезное заболевание все равно никуда не денешь. Отправили, например, в армию парня с гипертонией, на второй день он с высоким давлением попадает в госпиталь, его комиссуют и выплачивают компенсацию в семь тысяч рублей. Раз заболевание не было выявлено, считается, что он получил его в армии. Выгодны ли государству такие ошибки?

– Здесь, видимо, вина и родителей. Уж им-то лучше знать, какие проблемы у ребенка!

– Да, родители должны знать: с 16 до 17 лет происходит приписное освидетельствование юноши. В это время он считается несовершеннолетним. Если родителям безразлична судьба ребенка, они обязаны взять все выписки из его карты, все медицинские документы, которые говорят о наличии какого-то заболевания, особенно хронического. Каждый документ должен быть откопирован и внесен в медицинскую карту призывника. На комиссию

Нина Терехова с коллегами из КСМ различных регионов. 2007 г. Из архива КСМ.

родители могут приходить вместе с сыном и в случае необходимости настоять на дополнительном освидетельствовании.

Если решается вопрос о его годности, родители могут взять доверенность от имени сына и представлять его интересы, в том числе при прохождении медицинского освидетельствования. Если вдруг вынесено заключение, что он годен к военной службе с незначительными ограничениями, но родители с этим не согласны, у них есть время обратиться в областную призывную комиссию. Крайняя инстанция – суд.

– *Нина Олеговна, ваши сотрудники не участвуют в работе призывных комиссий?*

– В состав городской призывной комиссии включена Людмила Анатольевна Хохлова – мой заместитель. Она, конечно, не оставит без внимания обращения родителей. Кстати, нелишне предупредить: некоторые военкоматы требуют, чтобы на призывную комиссию парни являлись с паспортами, и затем забирают их. Это незаконно.

– *Вашей общественной организации удавалось кому-то реально помочь?*

– Ну конечно. Только за последнее время по нашей инициативе заведено уголовное дело по поводу гибели новобранца, которого выбросили из поезда. Переведен в другую часть солдат, пострадавший от дедовщины, а против его обидчиков начаты следственные действия. По нашему ходатайству в связи с семейными обстоятельствами переведен служить в Буй младший сержант Кашин. И так далее...

– *Знаю, что у вас много претензий к Кантемировской дивизии...*

– К сожалению, да. Мы вообще хотели бы устроить так, чтобы наших мальчиков не отправляли туда служить.

– *К вам стекается в основном отрицательная информация. Но неужели все так плохо? Неужели нет мест, где ребята служили бы без проблем?*

– Почему же нет? У нас в Костроме есть полк, о котором исключительно добрые отзывы. Про его командира солдаты говорят так: он с нами и на кросс, и за стол. И если мы слышим, что где-то наши мальчики служат хорошо, обязательно стараемся направить туда благодарственные письма. Вообще моя заветная мечта: чтобы у нашего комитета не было работы. Но пока это не так...

Анна Кольцова

Кольцова А. Нина Терехова: Буду рада, если комитеты солдатских матерей останутся без работы // Северная правда (Кострома). 2005. 22 апреля. С. 4.

2006

«Деды» и матери

Случай в Челябинске, когда издевательства «дедов» закончились для солдата Сычева ампутацией обеих ног, потряс всю Россию, хотя «неуставными отношениями» у нас никого не удивили. Мы обратились к людям, которые защищают солдат от «дедовщины» и прочих особенностей российской армии каждый день, – в комитет солдатских матерей и в военную прокуратуру.

Нина Терехова – председатель костромского комитета солдатских матерей, и ее коллега – Людмила Хохлова, говорят, что за год к ним обращаются не менее 100 раз и это еще капля в море. Потому что не все пострадавшие от «дедовщины» знают, что надо делать и куда жаловаться.

К комитету солдатских матерей военные относятся неоднозначно, про них говорят, что «матери» помогают «уклоницам».

На это Нина Терехова отвечает:

– Мы всегда следуем закону. Если к нам приходит человек и он по закону имеет право на отсрочку от службы, мы ему это объясняем. Но мы не продолжаем разговор, когда нам звонят и спрашивают: не хочу служить, как бы уклониться?

Забирают незаконно

По мнению Нины Тереховой, нарушения закона в отношении военнообязанных призывников начинаются почти сразу: призывают тех, кого призывать не имеют права.

«Прошлогодний случай. Алексей К. был единственным кормильцем у бабушки. По закону он имеет право на отсрочку. Но его призвали в декабре 2004 года! У них же план – его надо выполнять! Мы написали в военкомат и потребовали оформить ходатайство о его досрочном увольнении. В мае мы написали, в начале июня парень уже был дома».

«Пытались призвать Ревкова. А у него нога сгибается только на 90 градусов. А 21 ноября прошлого года он должен был маршировать! Главный травматолог областного департамента здравоохранения после обследования решил, что нога требует оперативного лечения. И парню, вероятно, придется менять коленный сустав полностью. Пока он дома».

«У Шлейникова – заболевание сердца, а его хотели послать в воздушные силы (он пошел бы служить 30 ноября). Его мать нам рассказала, она говорила в военкомате: «Вы что, он же у меня умрет!» А ей: ну какая разница – сейчас

Из «Костромской народной газеты». 2006 г.

он умрет, позже он умрет. У нас один процент на смерть! Вам не все равно?»

«Книга памяти»: погибли в армии в мирное время

С прошлого года комитет солдатских матерей занимается составлением «Книги памяти» – там будут собраны биографии мальчишек, погибших в армии в мирное время. Сейчас написано 10 очерков. Причем приходили матери, которые рассказывали подобные случаи еще советского времени. У одной женщины сын погиб на границе Польши с СССР в 80-х, но

обстоятельств его гибели до сих пор никто не знает.

Людмила Хохлова: – Эта женщина упала на колени, заплакала и говорит: я умру, а моего сыночка будут помнить.

Солдат Веселов погиб при переезде из сборного пункта в Нерехте в Анапу. При каких обстоятельствах – неизвестно. Его призвали 13 декабря, а 15 декабря нашли мертвым на перегоне.

Судя по всему, «Книгу памяти» пополнит и курсант Сызранского высшего летного училища Михайлов. Он прыгнул с высоты в 3000 метров, но парашют не раскрылся. Парень погиб. Выяснилось, что парашют был неправильно сложен. Но наказания никто не понес. В декабре дело закрыли.

Никто не понес наказания и в случае, когда солдат, призванный из Солигалича, получил на службе термический ожог, который оставил его без лица. Парня комиссовали и забыли о нем, хотя он даже есть мог с большим трудом. Комитет солдатских матерей помог поместить его в военный госпиталь на пластическую операцию, после которой ситуация несколько улучшилась. Теперь вся надежда на вторую операцию, после которой лицо постареется и восстановится.

А солдата Смирнова сослуживец рубанул по голове топором. После этого молодой человек потерял речь, способность двигаться. Его комиссовали. Сослуживца не судили.

Выкрасть сына

По словам Нины Тереховой, из тех, кто идет в армию, большинство делают это с охотой – хотят стать настоящими мужчинами. От того, что они видят в вооруженных силах, куда они так хотели попасть, парни, совсем не «хлюпики» по характеру, впадают в состояние шока.

В комитете ровными рядами стоят папки с «делами» таких солдат. Внутри – кипы переписки, жалоб, требований, заявлений. После которых, как правило, жертв от «дедов» удастся вырвать и перевести в другую часть. Но похожи эти папки на документальные книги ужасов. Из заявления матери: «Сын рассказал, что два сержанта – хорошие, а два – бьют после отбоя. Заставляют скрещивать руки над головой и бьют. Бьют в грудь и по ногам. За первый месяц службы избивали три раза. На сборном пункте сын получил форму, в части бушлат отобрали» (после того как парню перебили нос, мать приехала, забрала его и написала заявление в прокуратуру).

Нина Терехова и Людмила Хохлова говорят, что самые ужасные части – в Наро-Фоминске и Нижнем Новгороде, Новосибирск-95, Ковров – оттуда постоянно идут сигналы о «дедовщине».

В Нижнем Новгороде троих костромичей постоянно избивали. Терпели они очень долго – прослужили по полтора года. Потом не выдержали и сбежали. Рассказывали, что их заставляли раздеваться и травить в лесу собаками. Сюда они добрались с температурой под сорок. Сейчас они в госпитале.

Нина Терехова: – Вообще все зависит от матери, как она будет себя вести. И если командиры видят, что мать настроена решительно, они понимают: лучше не связываться. Как-то к нам пришла пара: двухметровый мальчик и его маленькая тоненькая мать – Голубевы. Но мать оказалась молодцом. Она приехала на присягу и увидела, что у сына – руки черные. Она спросила: что у тебя с руками-то? Он говорит: грязные. А это они от синяков! Потом она несколько месяцев не могла с ним связаться. Поехала. Он весь избитый. Парень рассказывал, что его заставляли сесть на табуретку: сзади старослужащий как по позвонкам даст – мальчик летит вперед. Его ловит лейтенант и о свою ногу головой! В общем, мать устроила в части разборку. Сказала командиру: «Не дам. Своего и бей!» и забрала сына. Сейчас парень в Костроме, уже дослуживает.

Пока я разговариваю с Ниной Тереховой и Людмилой Хохловой, приходит женщина – Галина Дементьева. У сына, который служил

в военной части (в Нижнем Новгороде) старослужащие вымогали деньги. Парень терпел месяц, а его били. Потом позвонил домой и попросил прислать денег. На каждый день был установлен оброк. Часть денег велели класть на сберегательную книжку. Сначала Галина деньги посылала, несмотря на свою мизерную зарплату. Потом потребовали перевести на книжку пять тысяч рублей. Тут женщина не выдержала, приехала и забрала сына. Делом сейчас занимается военная прокуратура, и больше всего женщина надеется, что парень будет дослуживать в Костроме.

Кстати, несколько молодых людей, сбежавших от «дедовщины» и дослуживавших в Костроме, собираются продолжить военную службу и подписать контракт.

Кирилл Рубанков

Рубанков К. «Деды» и матери // Костромская народная газета. 2006. 8 февраля. С. 5.

Из семейного архива.

2006

«Такая форма садизма может процветать в атмосфере вседозволенности»

То, что произошло в Челябинском военном училище с солдатом срочной службы Андреем Сычевым, – скорее закономерность, чем случайность.

Дедовщина процветает в 80 процентах воинских частей нашей армии. В остальных подразделениях порядок и дисциплина держатся исключительно на командирах – офицерах, в полном смысле этого слова, людях, которые знают, что такое воинский долг, держат под контролем ситуацию во вверенном ему подразделении и контролируют любые вспышки неуставных отношений.

Этот случай в Челябинске всколыхнул всю страну и был предан огласке, а сколько истязаний и избиений в этом училище, в других воинских частях было до этого и происходит сейчас? Кто может сказать?

Такая извращенная форма садизма могла процветать только в атмосфере вседозволенности, когда от мелких хулиганских выходок безнаказанные солдаты переходили к более изощренным издевательствам.

Костромской комитет солдатских матерей ежедневно сталкивается с жертвами вот таких отношений. У нас только в суде сейчас находится 9 дел, большая часть из которых проходят по избиению. К нам, например, недавно поступил мальчик, которому прижгли губы. Причем приехал он из элитной части вооруженных сил, из Московской области, из Наро-Фоминска. Вот вопрос, почему именно элитные войска погрязли в дедовщине? Или вот еще случай, произошедший накануне Нового года, когда из Тамбова после избиения родители привезли сына домой. Мы его распределили в костромскую часть, а его, никого не поставив в известность, отправили обратно в ту часть, где над ним издевались, якобы для проведения расследования. Там мальчишку просят указать на тех, кто над ним издевался. Что он ответит?

Что можно сделать в сложившейся ситуации? Нужна реформа армии, но не та, о которой так много говорят в верхах, а кадровая реформа. В армию должны прийти командиры и офицеры, для которых честь и достоинство будут превыше всего, чтобы они были

квалифицированными. А чтобы такие люди в армию пришли, они должны быть социально обеспечены, получать достойную заработную плату, иметь достойное жилье. Помимо этого, не должна молчать общественность. Факты неуставных отношений вообще не должны замалчиваться, и виновных должны наказывать по всей строгости закона. В мае 2005 года в Москве Комитет солдатских матерей России проведет конференцию, один из основных вопросов которой будет посвящен данной проблеме.

Председатель Костромского регионального
отделения КСМ России **Н. Терехова**

Терехова Н. «Такая форма садизма может процветать в атмосфере вседозволенности» // Информационный бюллетень Комитета солдатских матерей России. 2006. Апрель. Вып. 1. С. 8.

Нина Терехова ведет прием в КСМ. 2010 г. Фото Николая Суворова.

2007

Беседа Людмилы Алексеевой и Нины Тереховой

Председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева беседует с председателем Комитета солдатских матерей Костромской области Ниной Тереховой в эфире радиопрограммы «Дорога Свободы».

Треть населения Костромской области – это пенсионеры и инвалиды. Вступивший с 1 января 2007 года новый Кодекс жилищно-коммунального хозяйства поставит этих людей на грань вымирания, заявляют костромские правозащитники. Все подробности вы услышите в рубрике Людмилы Алексеевой.

Людмила Алексеева: Моя собеседница – Нина Олеговна Терехова, председатель Костромского регионального отделения партии «Яблоко» и председатель Комитета солдатских матерей Костромской области. Нина Олеговна мыслит широко, ее волнуют проблемы не только ее области, но всей страны, и не только проблемы призывников и солдат, но всех российских граждан. Сейчас самой острой для всех россиян проблемой она считает вступление с 1 января в силу нового Кодекса жилищно-коммунального хозяйства. Ведь по этому кодексу ремонт жилья и все расходы по его содержанию перекалываются на плечи тех, кто в этом доме живет. Вот что говорит по этому поводу Нина Олеговна.

Нина Терехова: Да, это не совсем солдатская проблема, но эта проблема всех жителей Костромской области, наверное, проблема всех жителей России. Потому что закон практически ставит нас на грань того, что люди останутся, ну как у нас говорят, без определенного места жительства. 30 процентов жителей области – это пенсионеры и инвалиды, и с вступлением в силу 122-го закона о монетизации льгот, когда льготы практически отменены, люди имеют доход, эту пенсию, которая ниже прожиточного минимума. Жилой фонд новый не строится уже много лет, строятся дома, в которых получают квартиры чиновники, меняя их на старые, старые сдают, новые получают. Таким образом, они получают в свое владение новое жилье, которое, естественно, требует минимальных вложений для ремонта, для проведения других работ. А вот старое жилье, ветхое жилье, то жилье, в котором падают потолки, где рушатся стены, где протекают крыши, где коммуникации практически сто процентов изношены, остаются в ведомстве тех людей, которые имеют очень низкий прожиточный минимум, и вместе с тем они будут иметь проблемы в виде

миллиардов, которые нужно вложить в ремонт этих домов, а этого они сделать не смогут. Я думаю, что в связи с этим законом с 1 января у нас очень сильно повысится смертность среди пенсионеров, инвалидов. Это ведь не только невозможность оплатить квартиру. Это ведь сильнейшие стрессы. Для людей, которые прошли войну, которые подвергались репрессиям, которые жили в условиях Советского Союза, для них это очень страшная проблема, они просто не смогут выжить.

Людмила Алексеева: Как при нынешней ситуации в Костромской области можно было бы решить эту проблему? У вас есть какие-то идеи?

Нина Терехова: Вообще, идеальным было бы внимание правительства, я имею в виду российского, потому что на местном уровне ничего решить нельзя, взять на учет все новые дома, и именно они должны оплачивать те услуги по ремонту и так далее, они. А вот люди, которые живут в ветхих домах...

Людмила Алексеева: Им нужно помочь их отремонтировать.

Нина Терехова: Обязательно провести капитальный ремонт и только после этого отдавать ТСЖ только те дома, которые капитально отремонтированы. Но у нас таких прецедентов нет. У нас есть, допустим, акты, которые говорят о том, что действительно сети изношены, крыши изношены, стены там текут, панельные швы не заделаны. Но одновременно с этими актами нам приходит ответ из администрации о том, что «подавайте в суд и только тогда мы сможем выделить какие-то деньги на ваши ремонты». Но если такого жилья 70 процентов, вы представляете, суды должны работать только на то, чтобы решения принимать о немедленном капитальном ремонте этих домов. Здесь, конечно, в данном случае самое лучшее для правительства, которое заботится о своем народе, отложить решение вопроса на время проведения капитального ремонта.

Людмила Алексеева: Но если все-таки с 1 января этот закон, как предполагается, начнет действовать, что вы будете рекомендовать людям, если будут они обращаться к вам?

Нина Терехова: Честно говоря, я даже не знаю, что можно советовать в этом случае. Потому что я точно знаю, что вот есть люди, которые получают пенсию в два раза ниже прожиточного минимума. Их ждет принудительное изгнание из жилья и все. И все. Вы понимаете, половина России, 70 процентов пойдут по миру. Это античеловеческая политика.

Людмила Алексеева: А какие дела вам приходится решать в комитете солдатских матерей?

Нина Терехова: У нас очень много дел, и судебных в том числе. Наших мальчишек бессовестно обманывают, принудительно заставляя подписать

контракт, принудительно отправляя их в горячие точки, и не платят при этом никаких денег. У нас есть случай, когда мальчик, прослужив практически все свое время по контракту, прослужив или на блокпостах, или в свободное время разминировав дороги, он не получил этих денег. Потому что разминирование дорог, оказывается, это совсем не боевое мероприятие, это прогулка, и приказов на эти действия он не получал. И он не мог доказать свое право на получение боевых денег.

Людмила Алексеева: Удастся в таких случаях помочь?

Нина Терехова: В некоторых случаях удастся, когда есть разночтения. Например, неоплата ребят, которые служат в Закавказье, например, в Абхазии, абсолютно не платятся им за это деньги, хотя там твердо установленная такса – 32 доллара за день. До настоящего времени удастся восстановить им их же заработанные деньги, но сейчас есть такой приказ о том, чтобы все судебные дела были по месту прохождения службы, по месту нахождения ответчика. И вот если это Северо-Кавказский округ, тогда ребятам придется ехать в Ростов. Смогут ли они чего-нибудь там добиться одни, не имея жилья, не имея адвокатов? Я уверена, что они ничего не добьются там.

Людмила Алексеева: Может быть, вам следует связаться с ростовским комитетом солдатских матерей и попросить о том, чтобы они помогли им?

Нина Терехова: Я думаю, в этом случае, если из Северо-Кавказского региона отправляют ребят по месту жительства и пишут им, чтобы они открыли счет и по решению суда получали деньги, лучше всего, чтобы они получали и выигрывали суды именно по месту жительства, потому что они здесь живут.

Людмила Алексеева: А вот те, кто приходит из армии, им удастся найти работу? Вы этим вопросом занимаетесь?

Нина Терехова: Да. Я хочу сказать, что ребятам, которые проходили горячие точки и которые участвовали в операциях, им трудно найти работу.

Людмила Алексеева: Почему?

Нина Терехова: Ну это, видимо, связано с тем, что все-таки, если они участвовали в боевых действиях, все-таки это связано с нервной системой. Молодого человека ведь берут-то в 18 лет в армию. Почему мы выступаем за то, чтобы ребят брали в 21 год, когда они стали постарше, когда они выучились, когда они имеют образование. Берут таких ребят в охранные фирмы и то не всегда. Область у нас дотационная, область у нас с очень низким уровнем заработной платы в районах. И поэтому ребята вынуждены бросать школы, у них образование шесть,

семь, восемь, ну, девять классов. Ну, во-первых, такой мальчик не справится с техникой, о которой мы постоянно говорим, что армию нужно вооружать новой техникой. Не справится просто. У нас был случай, когда мальчик две недели был на сборном пункте, а его никто не брал, потому что у него там пять классов образования или шесть. Буквально на той неделе было обращение, в котором мама пишет, что, вот говорят, есть комитет солдатских матерей, в котором никогда не отказывают, если ты в беде. Мне было приятно это слышать. Хотя нам это очень тяжело достается, у нас женщины работают, те, которые потеряли сыновей в мирное время и в военное время, и которые каждое обращение воспринимают не просто, а душой и сердцем, и иной раз плачут.

Людмила Алексеева: Большая у вас организация?

Нина Терехова: Ну, у нас есть представители в наших районах области. Если к нам, допустим, обратилась мама из Макарьева, то, если какие-то вопросы в этом районе возникают, мы уже, конечно, к этой маме обращаемся, она у нас как маячок. Если у нас есть замечательная женщина в Солигаличе, у которой душа болит за каждого нашего ребенка, которая вот к нам обратилась, что мальчику после полученных ожогов в армии нужна была пластическая операция, она обратилась к нам, и мы добились того, что мальчику сделали эти пластические операции. Еще надо будет делать, но, во всяком случае, он хотя бы может более-менее нормально сейчас жить. Вот она у нас как маячок. Мы таких очень бережем, очень любим и пытаемся как-то помогать. В самом городе у нас организация, ну, где-то 26 человек у нас, и постоянно у нас работают четыре человека, из них две мамы, которые потеряли сыновей, одна в чеченскую войну, а одна мама потеряла своего сына в Санкт-Петербурге. Вообще, мне очень жаль нас, жаль наш народ. Очень плохо нами управляют, к сожалению. Кажется, вот есть здравый смысл, понятно, что давайте делать так, как лучше. А почему-то решения принимаются совершенно обратные.

Людмила Алексеева: Трудно живется в Костромской области и старикам-пенсионерам, трудно и молодежи. И если бы только в Костромской области. Нина Олеговна права, те проблемы, которые ее волнуют, не местного значения, они – общероссийские.

Радиопрограмма «Дорога Свободы». 2007. 13 января.

«Защитить защитника»

У слова «солдат» в нашем языке почти синонимом звучит другое слово – «защитник». Кто, как не ребята в военной форме, всегда на первых рубежах при экстремальных событиях? Но и солдат, его честь и достоинство, его права и жизнь тоже нуждаются в защите – утверждают организации солдатских матерей. Когда они появились только в России, то военные чины объявили «мамаш» едва ли не пособниками вражеских спецслужб. Время все расставило по местам: с комитетами солдатских матерей считаются, к их мнению прислушиваются, благодаря их настойчивости в армии все же началась борьба с неуставными отношениями. Наш сегодняшний разговор о делах насущных областного комитета солдатских матерей с его председателем Ниной Олеговной Тереховой.

– *Нина Олеговна, после того как недавно в местной прессе был опубликован номер телефона областного комитета солдатских матерей, то для вас получилась многодневная «горячая линия». Что больше интересовало людей?*

– Не только звонили, но и приезжали, в том числе из районов. Чаще обращались по поводу отсрочек от службы в армии по заболеваниям. В связи с этим хотелось бы напомнить родителям следующее: когда вашего сына ставят в 17 лет на первичный воинский учет, вы должны обязательно присутствовать там же с полным пакетом медицинских документов о его заболеваниях.

– *Почему обязательно?*

– Потому что в это время на призывника заводят личное дело. И если к восемнадцати годам в нем не будет соответствующих медицинских документов – а призывная медицинская комиссия рассматривает именно их – то, что бы ни говорил ваш сын, к нему не особенно прислушаются. И военкомат тут можно понять: разве при огромном потоке призывников на одном-двух заседаниях призывной медкомиссии выявишь все заболевания?

– *Есть мнение, что с резким сокращением социальных отсрочек явно перегнули палку.*

– Еще как! Комитеты солдатских матерей категорически не согласны с отменой многих из них, особенно тех, что связаны с

беременностью жен призывников, уходом за тяжелобольными родственниками. Депутатов Госдумы, принимавших чохом решение об отмене отсрочек, даже не смутило то обстоятельство, что при этом нарушалась Конституция РФ, например, права граждан на образование. В Костроме был такой случай. 26 выпускников 11-х классов поступили в 2007 году на двухгодичное обучение в один из лицеев. Но в связи с отменой отсрочки после окончания первого курса они должны были пойти в армию. Хорошо, если б, отслужив, они смогли бы продолжить обучение на втором курсе. Но их лицей в контексте новой ситуации с отсрочками меняет учебную программу, «ужимая» ее до одного года. Это был единственный набор, который мог учиться два года. Выходило так, что после армии этим двадцати шести вновь надо было поступать на первый курс, и год учебы попросту пропадал. В данном случае налицо противоречие с Законом об образовании, согласно которому никакой орган власти не имеет права вмешиваться в план учебного процесса. Однако так получается, что у нас всегда и всюду главенствует Закон о воинской обязанности и военной службе! Нашему комитету пришлось очень настойчиво отстаивать права конкретно этих ребят. К счастью, штаб Московского военного округа пошел навстречу нашим обращениям, и им была предоставлена возможность продолжить обучение.

– Во время последнего весеннего призыва ходило много слухов, что это последний шанс попасть в армию на один год. Мол, осенью уже будут призывать на другой срок, называлась даже цифра – два года и восемь месяцев. Как бы вы могли все это прокомментировать?

– Поначалу я думала, что это наши «местные» слухи, но оказалось, что масштаб у них российский. Насколько известно, «виновато» выступление одного из высших наших военачальников, на котором он сказал: никакой речи о призыве на срочную военную службу на два года и восемь месяцев не идет. Но эти его слова были истолкованы с точностью до наоборот. У нас в комитете есть данные, что сотрудники военных комиссариатов при вручении повесток очень убедительно говорили о преимуществах весеннего призыва перед осенним как раз из-за сроков службы. И назывались те же два года восемь месяцев. Безусловно, этот слух сыграл на руку военкоматам. Напуганные перспективами, многие ребята бросали даже учебу, чтобы успеть на годичную службу. Не случайно весенний призыв в нашей области прошел очень быстро – без каких-либо проблем план был выполнен.

Из архива КСМ.

Но осенью будет уже несколько сложнее, потому что призвать нужно будет уже не тысячу, а на треть больше. К тому же есть уже ясность, что призывать будут снова на один год.

– В связи с событиями в Южной Осетии многие родители сильно обеспокоены: а вдруг их сыновья попадут в горячую точку? Тем более что среди военнослужащих, погибших в Цхинвали, есть солдаты срочной службы...

– Мне, как и очень многим, непонятно: как мальчик, призванный в декабре 2007 года, мог уже летом оказаться контрактником да еще в горячей точке. Еще более непонятна гибель в горячей точке солдата срочной службы, призванного также в прошлом году. Он-то никакой контракт не подписывал. И это при всех-то заверениях Президента страны, что ни один солдат-срочник не будет проходить службу в горячих точках. У нас что – нет специализированных групп типа «Альфа»? И кто мог подписать приказ об отправке в зону военных действий мальчишек, которые и военные специальности еще толком-то освоить никак не могли? Вопросов много. И как им не быть, если в официальном списке военнослужащих, погибших при событиях в Южной Осетии (он был размещен в Интернете и опубликован в одной из центральных газет), у тринадцати человек в графе «год призыва» значится «2007-й». В этом же списке рядовой Сергей Прядко, призванный из Новочеркасска Ростовской области 24 мая 2008 года. Он-то и трех месяцев не успел послужить! Это вообще за пределами сознания.

В настоящее время все комитеты солдатских матерей России через организацию «Общественная инициатива «Гражданин и армия» обращаются с просьбой к уполномоченному по правам человека в РФ Владимиру Лукину сделать официальный запрос о конкретных лицах, отправивших солдат срочной службы в эту горячую точку. По-нормальному-то Министерство обороны просто обязано провести расследование по факту гибели этих ребят, но боюсь, что сделано это не будет.

– *Говорят, дедовщина видоизменяется?*

– Это так. Кроме избиений, появилась такая форма неуставных отношений, как вымогательство денег. «Позвони своей матери, чтобы она на мой мобильный телефон перевела деньги», – именно после такой «просьбы» одного из сослуживцев своего сына, проходящего службу в Ленинградской области, женщина в течение полугода выплатила почти двадцать тысяч рублей. Но что она сделала очень правильно, так это сохранила все до единой квитанции о переводе денег с указанием номера мобильного телефона. Нами были сделаны ксерокопии и отправлены непосредственно в управление воспитательной работы космических войск. Буквально в течение десяти дней ими было проведено расследование. Нашего солдата-земляка во избежание преследований перевели в другую часть, где он прекрасно дослужил, а вымогатели получили по заслугам. Так что, уважаемые родители, если у ваших сыновей появились подобные проблемы, обязательно сохраняйте все квитанции, платежные документы. Без них факт вымогательства не докажешь.

На международном семинаре в Костроме. 2010 г. Из архива КСМ.

С переводом на контрактную службу теперь есть новый вид вымогательства. Некоторые офицеры берут деньги «в займы» у солдат-контрактников и «забывают» их вернуть. Либо в день, когда ребята получают деньги, кто-нибудь из офицеров собирает средства на ремонт, оргтехнику, телевизор, DVD. И это все приобретается, только вот куда-то исчезает к приходу других контрактников. И снова начинаются поборы. И все это очень сложно доказать, ребята начинают откровенничать лишь после того, как отслужили.

– *«Родителям лучше не вмешиваться и не звонить командиру части. У нас одна мать устроила по телефону разнос, что ее сына обижают, так его потом чуть не заклевали», – рассказывал сын моей знакомой, который служит сейчас в армии. Так стоит ли вмешиваться родителям?*

– Звонить командиру – это тупиковый вариант. Если по отношению к вашему сыну есть случаи неуставных отношений, то выходить нужно не на руководство части, а на Министерство обороны – телеграммами, письмами. И вот тогда уже можно ждать каких-то серьезных мер. Если сын жалуется на избиения, рекомендуем следующее: съездить в часть, под любым предлогом выпросить сына в увольнительную в город, где обязательно сделать судебно-медицинскую экспертизу. Это деньги, но зато, имея документально подтвержденные свидетельства об избиении вашего ребенка, вы можете его защитить. И знайте: почти в каждом крупном городе есть комитеты солдатских матерей, на чью помощь можно рассчитывать.

– *Нина Олеговна, общий язык с военными чинами – дело возможное?*

– А как же иначе? Уже многие понимают, что мы не палки в колеса вставляем, а боремся за здоровую армию. У костромского комитета солдатских матерей сложились хорошие отношения и взаимопонимание с председателем областной призывной медкомиссии М.Ю. Карочковым, областным военкомом В.Н. Степановым, начальником нерехтского сборного пункта И.Г. Свешниковым, командованием артполка ВДВ и воинской части внутренних войск, прокуратурой Костромского гарнизона, военкоматом Костромского района. Особо хотелось сказать о сборном пункте в Нерехте. В сравнении с тем, что там было несколько лет назад и что сейчас, – это небо и земля. Если раньше призывники, ожидающие отъезда в части, находились, мягко говоря, в плохих условиях, то сейчас ребята спят не на голых нарах, а на деревянных двухуровневых кроватях, где есть подушки, одеяла

2013

Комитет солдатских матерей

и постельное белье, их замечательно кормят, есть комнаты личной гигиены, где можно помыться. Единственное, чего там не хватает, так это холодильников. Когда призывники сюда приезжают, то их почему-то в первый день не кормят. Приходится питаться тем, что взяли с собой. Ну как тут без холодильника? У меня просьба к жителям Нерехты и Костромы: может, кто-то смог бы поделиться «бэушными», но в рабочем состоянии. Нужны три холодильника – два в комнаты ребят и один в комнату для офицеров, приезжающих из воинских частей за призывниками. И еще бы не помешали телевизоры, чтобы скрасить время ожидания.

К сожалению, никак не можем найти общий язык с городской призывной комиссией, городским военным комиссариатом, особенно с начальником второго отдела по призыву г-ном Барабановым. На него в наш комитет поступает много жалоб, в том числе по поводу грубого обращения с призывниками и их родителями.

– *Нина Олеговна, чем закончилась история с десятью беременными женами военнослужащих, ставшими заложницами законодательных неувязок?*

– Их действительно только десять в нашей области. Мужья этих женщин были призваны осенью 2007 года. А с января 2008 года в силу вступил закон, согласно которому жены военнослужащих срочной службы могут рассчитывать на существенную материальную поддержку от государства – 14 тысяч рублей по рождению ребенка и по шесть тысяч ежемесячно. Эти же десять молодых мам остались без всякой поддержки. Наш комитет первым в России стал бить тревогу по поводу этой проблемы, мы обратились к депутатам Костромской областной думы с просьбой принять решение на уровне области, однако наши законодатели ушли в июле в отпуск, не рассмотрев на заседании вопрос по данной категории женщин. Зато губернатором Калужской области уже 3 июля этого года было подписано соответствующее постановление о материальной поддержке таких же заложниц законодательных неувязок. Может, теперь наши депутаты все же проявят элементарное человеческое участие к этим десяти мамам. Многие звонят нам и буквально плачут от материальной безысходности.

Алевтина Новикова

Новикова А. «Защитить защитника» // *Голос народа – Кострома*. 2008. 3 сентября. С. 7.

Костромская областная общественная организация «Комитет солдатских матерей» работает в Костромской области с 1998 года.

За время работы с 2001 по 2012 годы в общественную приёмную комитета солдатских матерей обратились более 7000 человек, в т.ч. призывники и их родители, офицеры запаса и военные пенсионеры, контрактники и военнослужащие по призыву, получившие заболевания за время прохождения военной службы. Многим оказана практическая помощь: направлены на дополнительное медицинское обследование, переведены к новому месту службы, получили положенную по закону жилую площадь, отправлены для проведения восстановительных операций.

Более 4000 обращений поступило от жителей г. Кострома.

С каждым годом увеличивается количество обращений граждан за консультациями по вопросам медицинского освидетельствования, и это не случайно, ведь большую часть нарушений при призыве составляют именно нарушения прав призывников на медкомиссиях.

Отмечаются и случаи нарушения процедуры работы призывных комиссий – призывникам не выдавались выписки из решения призывной комиссии, работа комиссий в неполном составе, нарушение сроков призыва и незаконные вызовы в военные комиссариаты, призыв граждан, имеющих отсрочки от призыва либо не являющихся призывниками, дезинформация, психологическое давление, запугивание призывников со стороны должностных лиц военкоматов.

Есть у КСМ и выигранные у призывной комиссии судебные споры.

Бороться с нарушением прав призывников и военнослужащих можно только если придавать факты нарушений огласке. А для этого не следует бояться обращаться в соответствующие инстанции и, конечно, в комитет солдатских матерей. (...)

Нина Терехова,
председатель КООО «КСМ»

Терехова Н. *Комитет солдатских матерей // Что делать? В Костроме*. 2013. 20 января. С. 2.

ВОСПОМИНАНИЯ

Валентина Бельчинская: **«Моя дочь невероятно любила жизнь»**

Валентина Сергеевна Бельчинская – мать Нины Олеговны Тереховой.

Никогда не думала, что доведётся говорить о дочери в прошедшем времени. Мне исполнился девяносто один, а Нина ушла из жизни в шестьдесят пять. С судьбой, видно, не поспоришь.

Нина родилась на Украине в городе Проскурове, позднее переименованном в Хмельницкий, куда отправили после окончания войны вместе с 31-й танковой дивизией моего мужа Олега Александровича Бельчинского. Он фронтовик, был специалистом по связи. Его даже забрасывали в тыл врага и однажды посчитали без вести пропавшим. Мы познакомились в сорок пятом году, когда он приехал в отпуск в родную Кострому. Нас расписали в Свердловском загсе, а мне-то ещё недели не хватало до восемнадцати лет. Дочки родились на Украине.

Нина в сорок седьмом, а через три года появилась Вера. Олег, мечтавший о сыне, дочерей воспитывал как мальчишек. Он был страстным охотником и рыбаком и с принесенными домой трофеями научил управлять девочек. У старшей Нины это особенно ловко получалось. Сам никогда после охоты ружьё не чистил. Это была тоже обязанность дочерей. А они старались: начищали до блеска, так что ствол горел.

Любовь к спорту, наверное, тоже от отца передалась. Он был в прекрасной физической форме, спорт обожал, в соревнованиях по многоборью всегда побеждал. Когда Олег в звании капитана вышел в отставку и в шестидесятом году мы переехали в Кострому, то наши дочери

*Нина Терехова в 11 классе.
Из семейного архива.*

облюбовали стадион «Спартак». И можно сказать – там выросли. Вере понравился волейбол, Нина занималась лёгкой атлетикой у знаменитого тренера Переверзева. Сколько у неё грамот за победы в соревнованиях! Огромная папка до сих пор у меня хранится. Толкала ядро, прыгала, бегала на разные дистанции. Учеба и спорт. Никаких гулянок и праздного времяпровождения. В институте Нина училась на факультете химии и биологии. И не случайно. У неё была просто необыкновенная любовь к природе, ко всему живому. Мимо цветочка не пройдёт, чтоб не полюбоваться.

Красота живого мира её как-то особенно волновала. Вот и душа у неё была такой же красивой. Помню, собрала она дубовые жёлуди и вырастила на даче саженцы. Надышаться не могла над ними, так берегла. Потом пригласила Юрия Карвацкого, директора экологического центра «Следово». Вместе юные дубки выкапывали, заворачивали и укладывали в коробки. Юрий Петрович тогда сказал: «Будет теперь у нас дубовая роща Нины Тереховой».

Из семейного архива.

*Нина Терехова с дочерью Еленой.
Из семейного архива.*

Утончённость, элегантность, врожденное благородство – это её дворянские корни. Все отмечали, что она очень походила на мать Олега, в честь которой он и назвал её Ниной. Предки по той линии – из старинного дворянского рода Потехиных. Все таланты, казалось, в Нине собрались. Рисовала, делала изумительные панно из соломки. В институте даже лепила скульптуры. Вышивала, вязала, шила. Я до сих пор костюм берегу, ею сшитый. Но тряпичницей никогда не была. И за вещи не держалась – последнее отдаст.

Из семейного архива.

А сколько в ней было сострадания к животным. Всех подбирала! Голубку-птенца с подбитым крылом выкармливала с помощью шприца. Кашку, похожую на голубиное молоко, специально готовила. Выходила! Гуля вскоре превратилась в красавицу и стала полноправным членом семьи. В февральские холода с разницей в несколько лет подобрала на улице двух щенков – Малыша и Динку. У «ничейного» Малыша была сломана лапа. Обратилась к ветеринарам, вылечила! Подранков к нам несли со всей округи. Звонки в дверь. Открываем. Стоит мужчина. «Нина Олеговна здесь живет? Вот я грача принёс...» Целую зиму этот грач у нас

жил. Доченька, доченька, какое сердце у тебя было широкое...

Жизнелюбка редкая! Как она жизнь любила! Деятельно, делами. Наверное, такая была потребность её души – делать людям добро.

После ухода Нины в газете была статья про неё, и там я прочитала слова помощника военного прокурора о том, что «масштаб утраты всем нам еще предстоит осознать».¹ Мне самой кажется, что и я свою дочь до конца не знала, не осознавала всей глубины её редкой души. Телефон в нашей квартире звонил днём и ночью. Чего греха таить, порой раздражало. И в то же время я невольно была в курсе её дел и забот и нередко подключалась, помогала ей.

Сколько историй на моей памяти, всех не перескажешь. Один солдатик как-то особенно запомнился. Видимо, он узнал про Нину, когда она проверяла их воинскую часть по линии комитета солдатских матерей. Вот ему пришло время идти в отпуск. А он из неблизких краев, да к тому же из очень нуждающейся семьи. У матери на руках ещё ребёнок-инвалид. А у них в части было заведено: возвращаешься из дому с подарками на всю роту. Перед самым отъездом в отпуск у парнишки этого то ли украли, то ли спрятали бушлат. Выдали другой, в котором он буквально утонул.

¹ См.: Голос народа – Кострома. 2013. 17 апреля. С. 4.

Нина привела его к нам домой и принялась ушивать, подгонять ему этот бушлат. И к маме он уже как с картиночки поехал. Мало того, пошла провожать его на вокзал. А билетов-то нет! Добилась через начальника вокзала, чтоб солдата отправили. Погостил у матери, приехал в Кострому и – к нам, не заезжая в часть. Говорит: «Если вы меня туда отправите, я задавлюсь! Я ничего не привёз, и меня будут бить». И Нина пошла с ним к командиру части. Договорилась, чтоб парня сразу отправили в медсанчасть, а потом на обследование в Никольское, поскольку у него склонность к суициду. Пока он месяц лежал в больнице, я возила ему передачи. Потом мальчишку демобилизовали. Спустя какое-то время его мама прислала нам с оказией саженцы редкого сорта облепихи.

Сколько судеб солдатских моя дочь пропустила через своё сердце! Один раз вместе с мамочкой, приехавшей из деревни, спасала солдатика от Чечни. Он был маленький, метр с кепкой, да худенький. Смотреть не на что! И служба-то у него в гараже проходила. И вот его, такого-то малюсенького, вместо другого военнослужащего внесли в списки для

Из семейного архива.

Из семейного архива.

отправки в Москву, а оттуда в Чечню. Они перед самой отправкой поезда организовали ему побег. Ой, что там было! Его искали! А там если в течение суток солдат не объявляется, то уже дезертир. И Нина его привела, и страшный гнев командира как могла тушила, и добилась, что заморыша оставили в части.

Как правозащитница, она помогала не только солдатам, но и заключённым, и просто людям, попавшим в беду. Помню, приехала вся такая взбудораженная из колонии в Поназырево: «Мама, какой там ужас! Стёкол нет, все разваливается, антисанитария, крысы. В бане я проверила все тазы, и только треть из них целые. А

там больше тысячи заключённых. Одни моются, остальные в переполненном предбаннике ждут, когда таз освободится. Разве это порядок!» Нина, если за что бралась, то доводила всегда до конца. И тут она добилась, чтоб и стёкла вставили, и тазы завезли, и другие недостатки устраняли. Вопрос о поназыревской колонии, помнится, даже вынесли на заседание областной общественной палаты. Так заключенные в знак благодарности преподнесли Нине букет из пяти деревянных роз, сделанных своими руками. Со временем две поломались, а три до сих пор у меня стоят. И вот ведь как работает «арестантская почта»: по цепочке передали, чтоб по дороге, если Нина с другой общественницей зайдут в столовую подкрепиться, с них не брали денег. Так им и говорили: «Не велено с вас брать».

А сколько сил отдала Нина, когда спасала женщину, сбежавшую из психиатрического интерната! Это вообще страшная история. Жуткая! Звали её Надеждой. Костромичка с высшим образованием. Незамужняя. Жила с матерью в коммунальной квартире и потихоньку строила свой дом. Работала и тянула на себе эту стройку. А тут умирает её мать, и она осталась совсем одна. А на дом, который ещё не был достроен, положила глаз жена её двоюродного брата. И вот к ней ночью приезжает психиатрическая бригада и забирает. Чем-то накололи и отвезли к юристу. И там Надежда в бессознательном состоянии подписала документы на дом и на то, что у неё было, в пользу той родственницы. После этого домой она уже не вернулась. А оказалась на принудительном лечении. Её отправили в психоневрологический интернат,

если не ошибаюсь, в Кадынский район. Там она работала за высоким забором. Но она же умная! Институт окончила. И надумала бежать. И сбежала ночью – в одном платье.

Как-то добралась до Костромы, кто-то ей посоветовал обратиться в Карабаново к священнику отцу Георгию Эдельштейну. А тот ей сказал: «Надя, тебе может помочь только Нина Олеговна Терехова. Иди к ней». Вот так она появилась в нашем доме, мы её приодели, и какое-то время она жила у нас. А её же ищут! Нина её прятала по разным квартирам у знакомых. Но это тоже не выход. И она решила доказать, что у Надежды с интеллектом все в порядке. Связывается с московским институтом имени Сербского и отправляет её туда. Там Надю обследовали и дали документ, что она здоровый вменяемый человек. После этого дочь начала вывозить её паспорт, который был отобран. Не без труда, но вернула. Уже легче. Надя смогла устроиться на работу. Дальше Нина взялась за её квартирный вопрос. Комната в коммуналке в качестве расширения по решению городских властей была отдана соседу, в ней жили люди. И моя дочь пять лет боролась за то, чтобы город выделил пострадавшей женщине жильё. Пять лет! Сколько судов они прошли! Сколько сил и здоровья на это Нина положила. И все-таки добились справедливости: город предоставил Надежде однокомнатную квартиру. Хотела дочь побороться и за возвращение отнятого дома, но что там и как, не знаю. Пусть Господь будет судьей людям, которые обобрала таким страшным способом одинокую женщину.

Нина помогала людям до последнего. Уже недели полторы оставалось ей жить. Слабость была такая, что с трудом передвигалась по квартире. И вдруг говорит: «Мама, я уезжаю». – «Куда!!!» – «Мне надо в колонию. Меня ждут люди». – «Ты же ходить не можешь!» – «Мама, я должна. Сейчас за мной придёт машина». Я ещё пыталась отговаривать: «Нина, да глядя на тебя, люди сами заплачут». И ведь уехала! Я в окно выглянула. Она еле-еле идёт. Машина стоит у самого крыльца. Два мужчины её встречают, помогают сесть. Я места себе не находила. Да как же она поездку выдержит! И вот возвращается. Зашла, села обессиленная на стул. «Мама, и все-таки я съездила». И такое умиротворение было в её лице, не передать словами... А в день, как ей умереть, она попросила: «Мама, свари картошечку в мундире, так хочется с соленым огурцом». И это была её последняя просьба. Но поесть она не успела... Малыш два дня был непрерывно, ничем не могли отвлечь. На третий день его тоже не стало. Как Нина напороочила! Ведь когда она его раненого принесла домой, то сказала: «Вот сколько он проживет, столько и я...»

А мне остаётся только вспоминать и гордиться, что у меня была такая дочь.

Тамара Добрецова: «Она не боялась говорить правду в глаза»

Тамара Ивановна Добрецова – член совета, а в 1995-2016 годах – сопредседатель Костромского областного общественного экологического движения «Во имя жизни».

Общественная активность Нины Тереховой началась с экологического движения. И познакомилась я с ней, когда мы только приступили к работе по подготовке референдума о строительстве Буйской атомной станции.

За референдум подписи собирали трижды. Два раза их у нас браковали, а на третий мы собрали 38 тысяч подписей. И Нина Олеговна очень много нам помогала. Она как никто умела зажечь людей, пробудить в них гражданскую ответственность и на редкость талантливо писала листовки.

Почему мы референдум выиграли? Не только потому, что объездили всю область и провели немислимое количество встреч. Огромна объединяющая роль именно листовок. Их столько было составлено! Причём ярких, доходящих до людских сердец. Этим у нас занимались Нина Олеговна, ветераны педагогического труда Елена Брониславовна Шутова, Татьяна Сергеевна Бухаевская и другие – целая команда, грамотная и дружная. Тогда представители экодвижения были частыми и желанными гостями на телевидении, на радио и в газетах. Это сейчас, увы, никуда не попадёшь. И чем сильно было движение «Во имя жизни», так тем, что работало в контакте со всеми общественными организациями.

Нина Олеговна очень здорово работала в «Яблоке», и думаю, что во многом благодаря ей яблочники пользовались в Костроме несомненным авторитетом, и вообще партия тогда находилась в расцвете, в самом дееспособном периоде своего существования. Что меня всегда поражало в Нине Тереховой, так её честность и принципиальность, она не боялась сказать всю правду в глаза. Не пряталась за чужое мнение, всегда имела своё.

Людей, к сожалению, разделяют амбиции. После успеха костромского референдума (87,43% граждан области, принявших в нем участие, сказали «нет» строительству АЭС) академик Алексей

Владимирович Яблоков, тогда председатель межведомственной комиссии по экологической безопасности в Совбезе Российской Федерации, прислал нам поздравление. И имел неосторожность написать: «Особенно вы молодец, Тамара Ивановна». Я в движении «Во имя жизни» не с самого начала, пришла в него в 1993 году. Так вот те, кто стоял у истоков, сильно обиделись, что академик выделил Добрецову, а не их. Да так, что в организации началось брожение, ещё немного – был бы полный развал. И тогда Александр Иванович Исаков, член совета движения, собрал экстренное собрание в «Костромапроекте», где он работал, на которое пришли более трёхсот человек.

Опять же отмечу, что собрания и митинги в то время были мощными. Это сейчас дееспособное молодое поколение думает о деньгах, машинах, о чем угодно, только не о спасении окружающей среды. И огромная заслуга Нины Олеговны в том, что она помогла в то время никому не известной Валентине Ямщиковой стать депутатом областной думы. Но этому предшествовало упомянутое

Нина Терехова с единомышленниками в Костроме. Из семейного архива.

собрание, на котором благодаря яркому и убедительному выступлению Тереховой сопредседателем движения избрали Ямщикову. Был выбран и новый совет. Вот так тогда сумели преодолеть кризис и сохранить «Во имя жизни», которому недавно исполнилось 27 лет.

Отдельно хотела бы сказать о том, какое впечатление Нина Олеговна производила на людей. Когда она где-либо выступала, то все внимание сосредоточивалось на ней. Во-первых, она была редкой красавицей, во-вторых, завораживали её прекрасный голос и безупречно грамотная речь. И при этом никакой позы, все слова шли от сердца, от души. Поэтому так трогали и волновали людей.

Гражданская активность Тереховой в полной мере раскрылась, когда она с головой окунулась в работу созданного ею областного комитета солдатских матерей. Добрым словом хотелось бы помянуть и врача Юрия Львовича Тихомирова, её верного помощника в деле защиты солдат. Столько полезного ими сделано! А к Нине Олеговне за помощью обращались днём и ночью. И она очень многих спасла. Светлый человек! Никакой заносчивости, самовлюбленности. Обладала большими организаторскими способностями: сколько «круглых столов», встреч проведено! Мы постоянно сотрудничали. Я всегда удивлялась, как быстро она находила общий язык с детьми. А уж как любила свою единственную внучку!

Нина была меня значительно моложе, но я считаю наши поколения детьми хрущевской оттепели. Мы, получившие свежий глоток свободы, уже не могли прятаться за чужие спины. Отсюда и гражданская активность. А Нина ещё и дочь своих родителей. Отец – фронтовик, храбрый офицер. Мама – человек сильный, я бы даже сказала, властный, принципиальный, честный, которая тоже никогда сплетен не собирала и правду говорила в лицо.

Конечно, Нина Олеговна знала о неизбежности скорого ухода из жизни, но не теряла ни силы духа, ни самообладания и до конца не позволяла никакой небрежности в облике своём. Всегда элегантна, с причёской, а главное – неизменно приветлива, доброжелательна. Удивительного человека забрала у нас страшная болезнь, которая сейчас косит и косит людей. Но память о Нине Олеговне Тереховой будет очень долгой и светлой.

Ирина Резникова: «Человек-миссия»

Ирина Сергеевна Резникова – председатель Комитета солдатских матерей Костромской области в 2013-2014 годах, член Международного социально-экологического союза, Российского социально-экологического союза и Костромского областного общественного экологического движения «Во имя жизни».

Мы познакомились с Ниной Олеговной Тереховой в 2004 году, когда я переехала в Нерехту из другого региона России, где занималась защитой прав граждан на ядерно-безопасную окружающую среду. В те годы активисты экологических организаций часто встречались на общероссийских природоохранных конференциях. Тогда и познакомилась с сопредседателем Костромского общественного экологического движения «Во имя жизни» Тамарой Ивановной Добрецово. Поэтому по приезду в Костромскую область я легко влилась в региональное экологическое движение.

Знакомство с Ниной Олеговной произошло на одном из мероприятий движения «Во имя жизни». Почему на экологическом мероприятии, в то время как Терехова тогда была руководителем комитета солдатских матерей и отделения партии «Яблоко»? Потому, что она была

профессиональным природоохранником. Я же в любой деятельности всегда ценю профессиональный подход. Нина Олеговна принимала активное участие почти во всех делах движения «Во имя жизни».

С тех пор, с первых шагов нашего взаимодействия, очень многие вопросы мы решали вместе. Без конфликтов, при взаимной поддержке и помощи, взаимопонимании и по первому же зову. Это подготовка и проведение городских конференций, семинаров, круглых столов, общественных слушаний, работа со СМИ, поездки в районы области, встречи с российскими общественными организациями. Хочется сказать о

День ВМФ. 2006 г. Из архива КСМ.

коммуникабельности Нины Олеговны, она старалась находить общий язык и со СМИ и с органами власти в решении тех или иных проблем.

Это был многосторонний и многогранный человек. Правозащитник по природе своей. Получая от неё бескорыстную помощь, мне в свою очередь хотелось помочь в силу своих возможностей и в её правозащитной работе.

Таким образом, наше сотрудничество расширялось. Я стала членом комитета солдатских матерей. А в 2010 году вместе с Ниной Олеговной вошла в Общественную наблюдательную комиссию Костромской области, защищавшую права осужденных. И в такой специфической тематике правозащитной деятельности Терехова продемонстрировала правильный подход и умение решать проблемы. Это направление её работы я всегда оценивала по самой высшей шкале.

В работе комитета солдатских матерей Нине Олеговне с 90-х годов приходилось защищать права военнослужащих. Причём реально помогать очень многим через военную прокуратуру, военкоматы, минобороны.

Умела отдыхать со смыслом: театры, филармония, музыка, литература, художественные увлечения с большим вкусом, походы в лес. Она была очень красивым человеком во всех отношениях.

Многолетнюю деятельность Нины Олеговны я бы назвала миссией, которую она несла с большой ответственностью.

Нина Терехова на встрече с призывниками. 2007 г. Из архива КСМ.

Игорь Свешников: «Добивалась справедливости»

Игорь Владимирович Свешников – начальник отдела подготовки и призыва военного комиссариата Костромской области.

С Ниной Олеговной Тереховой мы были знакомы с 2004 года, когда она как председатель комитета солдатских матерей приезжала на областной сборный пункт в Нерехту. Совместно работали по вопросам здоровья призывников, по вынесению решений о годности или негодности к военной службе. И она, как правило, занимала сторону призывников, настаивала на полноценном дополнительном обследовании. По его результатам некоторые парни действительно признавались негодными к службе. То есть то, чего она добивалась, – это справедливости в вынесении медицинских решений.

Вторым направлением её работы была забота о материальном состоянии сборного пункта – обеспечении медицинским оборудованием, улучшении бытовых условий. Очень старалась! Если надо, то доходила и до губернатора. Перемены все равно бы происходили, но благодаря комитету солдатских матерей, в первую очередь – самой Нине Олеговне, ситуация изменялась гораздо быстрее. Да и качественней. В Нерехту на областной сборный пункт она приезжала каждый призыв. Не суетилась, не наводила истерическую критику, а внимательно во всё вникала, разбиралась в проблемах. Да, собственно, ничего сверхъестественного она и не требовала, главное, чтоб были нормальные условия для ребят: не нары, а кровати, чтоб работала баня и нормально кормили.

Общались со всеми уважительно и доброжелательно. Всегда выступала перед призывниками, рассказывала об их правах, в том числе в вопросах медицинского освидетельствования, о том, как поступать в различных ситуациях на разных этапах службы, куда обращаться в случае нарушений. Для неё было важно, чтоб солдат уважал в себе личность и гражданина, и чтоб личность и гражданина уважали в нем командиры. Словом, вела просветительскую работу. Сейчас таковой новобранцев не удивишь (информации в наше время вообще хватает), а тогда для ребят это было в новинку.

Нина Олеговна вместе с другими членами комитета солдатских матерей часто посещала воинские части – по жалобам военнослужащих

на неуставные отношения. Защищая интересы солдат, тесно работала с прокуратурой Костромского гарнизона. Что и говорить, много доброго и полезного сделано человеком. Человеком с большой буквы. Благодаря таким людям, как Терехова, права комитетов солдатских матерей к настоящему времени расширились. Будь жива Нина Олеговна, она входила бы в состав областной призывной комиссии. Раньше этого не было. Роль и значимость комитетов солдатских матерей сейчас уже никто не оспаривает, но Нина Терехова – из первопроходцев, и в этом её особая заслуга.

На областном сборном пункте в Нерехте. 2007 г. Из архива КСМ.

Галина Калашикова: «Всю нашу боль пропустила через своё сердце»

Галина Викторовна Калашикова – мать погибшего в Чечне военнослужащего Анатолия Калашикова, награжденного посмертно Орденом Мужества.

С Ниной Олеговной я познакомилась, когда комитет солдатских матерей располагался ещё по первому своему адресу – на улице Советской. Пришла туда вскоре после похорон своего сына Анатолия, погибшего в 1996-м в Чечне. Я искала его пять лет, прошла через ад. И только в феврале 2001-го мне позвонили и сказали, что его опознали. Мы, мамочки, потерявшие и разыскивающие своих сыновей, тогда объединились. Были с нами и матери погибших афганцев, мы никого не бросали, держались вместе. Так вместе до сих пор и идём по жизни. Горе сплачивает.

Мы в то время не знали ни про законы, ни про льготы, бились как рыба об лёд. И в комитет солдатских матерей я тогда пришла больше за консультацией. Познакомилась с Ниной Олеговной и подружилась с ней на всю жизнь. Это был редчайший человек! Честная, отзывчивая, доброжелательная, ответственная, принципиальная. Всю нашу боль она пропустила через своё сердце. И как-то само собой случилось, что я стала ей помогать. Вместе посещали воинские части, вместе ходили на встречи с призывниками в учебные заведения.

Редко кто так умел говорить с ребятами – доброжелательно, уважительно, открыто. Сам голос её, красивый и тёплый, располагал к себе слушателей. Она и с командирами частей никогда не разговаривала на повышенных тонах, но в ней была такая внутренняя сила и убежденность в правоте своего дела, что к ней прислушивались, с её мнением (а она была человеком грамотным, хорошо разбиралась и в конкретной ситуации и в законах) считались и очень её уважали. А некоторые и побаивались. Потому что знали: Терехова не свернёт с пути, будет добиваться справедливости.

Я старалась учиться у неё – настойчивости, дотошности, уважительности к людям. А она меня поддерживала. «Галя, это ведь ты ему помогла», – говорила про парнишку из одной деревни по галичскому тракту. Он полуслепой, сердце плохое, а военкомат призывает на военную службу. План выполняет. Я тогда там разошлась: «Вы наденете на него противогаз, и он задохнётся – на кого спишете? На несчастный случай?» Нам с Ниной Олеговной удалось положить парнишку в больницу на обследование, и его комиссовали. И все это – бесплатно, ни с кого копейки не брала. В этом вопросе она была очень щепетильна. Тех, кто делал деньги на чужом горе, на дух не переносила.

С ней ничего не было страшно. Как-то она заболела и потеряла голос, а нам надо было ехать на встречу в техникум. «Придётся тебе выступать», – говорит она мне. Я начала отнекиваться: не получится у меня! «Все получится, вот увидишь». И, действительно, разговор с ребятами, которым скоро было в армию идти, получился хороший, полезный. Встречу провели, зашли в кафе. И как сейчас она у меня перед глазами: довольная, радостная. Выполненная работа её как-то особенно радовала. Когда мы бывали в воинских частях, то она очень внимательно во все вникала. С солдатами обо всем поговорит, расспросит, посмотрит, где занятия проходят, какие у них бытовые условия. И все это не для галочки, не формально, а с настоящей заинтересованностью и искренней заботой.

У неё не было пустых слов, которых так много встречаем в нашей жизни. Помню, в комитете солдатских матерей по просьбе Нины Олеговны я собрала мамочек погибших сыновей. Офис тогда находился на Калиновской. Мы сидели за столом, рассказывали, кто через что прошёл. И как всем мамочкам понравилась Нина Олеговна. «Как будто всю жизнь её знаем!» – признавались потом мне. Она ведь с каждой поговорила, каждой нашла самое нужное слово. Сколько в ней было искреннего сочувствия, понимания. Не жалела себя, растрчивала...

И вот раз, когда здоровье не позволяло ей самой отправиться в поездку, она мне звонит: «Галя, как хочешь, а надо тебе ехать в Нерехту. Ищи машину, деньги я заплачу». Я опять в себе засомневалась (справлюсь ли?), но делать нечего. И съездили мы тогда на сборный пункт с Юрием Львовичем Тихомировым, который был врачом-консультантом в комитете солдатских матерей. Все у нас получилось, поговорили с призывниками, руководством, все посмотрели, обследовали. На обратном пути к Нине Олеговне заехали. Плохо совсем она себя чувствовала, но все равно улыбалась, радовалась за нашу удачную поездку. Кажется, вчера все это было, а нет уже ни Нины Олеговны, ни её верного помощника Юрия Львовича.

В последний год своей жизни она взялась за большое дело – решила организовать в комитете солдатских матерей Стену памяти. После смерти Нины Олеговны портреты сняли. Сказали, что фотографии погибших действуют угнетающе на тех, кто приходит. Мол, родителям больно на них смотреть. А я тогда ответила: «Им больно? А я живу семнадцать лет с этой болью. Мне не больно?» Забрала я тогда все портреты и раздала мамочкам.

Вот ведь ушёл один человек – и осиротело дело. Да что там – осиротел город. На таких людях держится все самое лучшее. Светлая память Нине Олеговне Тереховой!

Рузанна Севилян:

«Её деятельный характер примагничивал людей»

Рузанна Гургеновна Севилян – член Союза журналистов России, автор и ведущая радиопрограмм ГТРК «Кострома», доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета.

Теряюсь в словах – как рассказать о воле, терпении, сердечной теплоте этой женщины? Как передать её голос, который даже в самых сложных случаях и делах ощущался как незыблемая опора? Как передать её улыбку? Нина Олеговна – очень красивая женщина.

Я с ней общалась в период ее работы в комитете солдатских матерей, конечно, удивлялась – сколько в ней энергии и откуда. Ведь кроме общественной этой работы, у неё была семья. Её деятельный характер примагничивал людей – хотелось с ней быть рядом и что-то делать, помогать. Вот звонит она как-то, очень эмоционально объясняет, что в Нерехте, в пункте призывном даже нет холодильника – может, кто-то отдаст ненужный холодильник, говорит она, поспрашивай... Отвечаю – у нас есть, не знаю куда деть. В трубке – её радостный голос, как будто я ей подарила миллион.

Когда мне необходимо было помочь своим родным, я Нине Олеговне позвонила, зная, что всегда она поможет и подскажет – что и как решать, как поступить, кому звонить. Она знала людей, и её знали как порядочнейшего человека – и её рекомендация дорогого стоила. В тот конкретный момент её подсказка решила в определённом плане судьбу моего родственника.

Самым запоминающимся моментом в моём с ней общении было дело по защите солдата Дмитрия Белоусова. Тут я старалась в любом, самом незначительном моменте ей помочь. Но мне давалось это нелегко – боль и слёзы накатывали каждый раз, когда выяснялся тот или иной момент, а Нина Олеговна никогда не позволяла себе такой слабости – она знала, что должна быть крепким плечом для мамы этого солдата.

Запомнилась и история с бездомной женщиной, больной, обездоленной, без жилья. Но как постепенно, не отступая, не отставляя эту женщину на второй и третий план (других дел у Нины Олеговны было полно), она решала для неё жизненно важные вопросы. В 90-е годы не было ни ночлежки, ни волонтеров. Она возмещала, можно сказать, их служение.

Милосердию и деятельному участию в жизни людей учусь у Нины Олеговны Тереховой. Её очень не хватает в нашей жизни.

Георгий Эдельштейн: «Переживала за каждого»

Протоиерей Георгий Эдельштейн – священник Воскресенской церкви села Карабаново Костромской области, кандидат филологических наук, член Московской Хельсинкской группы.

*Из газеты
«Голос народа - Кострома». 2013 г.*

Нина Олеговна время от времени в церковь приходила, однако по-настоящему церковным человеком не была. Но с уверенностью скажу, что по делам своим она подлинная христианка. Не помню, чтобы она заботилась в чем-то о себе. Постоянная забота о других.

Комитет солдатских матерей. Зачем она туда пошла? У нее не было своих детей, служивших в армии. Никто из ее родных не воевал в Чечне или в каких-то других так называемых «горячих точках». Помогать солдатским матерям. Помогать бездомным. Помогать людям, вышедшим из заключения. Она другой цели в своей жизни не видела.

Не помню ни одного случая, когда бы Нина Олеговна приехала просто так, о чем-то поболтать. Не помню, чтобы она сказала, что она больна, что ей самой нужна помощь. Она приезжала в Карабаново десятки раз, и каждый раз это были проблемы других людей. Для кого-то что-то нужно сделать. Часто это были просьбы материально кому-то помочь: вещами, продуктами, деньгами.

Боюсь этой формулировки, но для нее не было чужих людей. Она переживала за каждого, как за своего близкого родственника. Почему это было так? Даже и объяснить не могу. Думаю, что я более черствый человек, чем Нина Олеговна. Я никогда не мог так входить в нужды, проблемы другого человека, как входила она.

В нашем храме не помню ни одну службу, когда бы мы не помолились о ее упокоении. У нас самая светлая память о Нине Олеговне. И, думаю, у всех, кто ее знал.

Алевтина Новикова: «Она и сейчас нас подбадривает»

Алевтина Ильинична Новикова – член Союза журналистов России, корреспондент «Костромской народной газеты».

Своей журналистской профессии я могу быть благодарна лишь за то, что она познакомила меня с Ниной Олеговной Тереховой. Пять лет как её нет, а совершенно особый магнетизм её личности так и остался с нами. И кажется, она и сейчас подбадривает, не даёт обмельчать и скиснуть.

Первый мой материал, подготовленный в сотрудничестве с комитетом солдатских матерей, был о сфабрикованном деле в отношении военнослужащего костромской ракетной части Дмитрия Белоусова. Его оговорили и осудили за чужое преступление. Комитет солдатских матерей по сути сам провёл параллельное расследование, сведя воедино всю информацию, которую только можно было достать. Нина Олеговна тогда сказала: «Армия – государство за забором. А внутри ещё забор – ракетные войска».¹ И всё время, пока шло следствие и судебные разбирательства, она опекала мать Димы, приехавшую из Саратова в Кострому и здесь перенесшую два инфаркта.

А потом у меня было немало других материалов, посвящённых судьбам солдат, драматичных, а то и трагичных. О двух матерях, родной и крестной, которые выхаживали сына-офицера, получившего на службе страшную черепно-мозговую травму. О новобранце из Буя, который погиб, не доехав до места службы, – его выбросили из поезда. О костромиче, вернувшемся домой инвалидом после прохождения службы... на подпольной пилораме. И этих исковерканных жизней – сыновьих и родительских – было так много!

За помощь она бралась мгновенно, не откладывая в ящик – ни в долгий, ни в короткий. Пришла очередная мамочка – Нина Олеговна тут же, при ней, набирает номер телефона и звонит по инстанциям, порой очень высоким. Это редкостное её умение – быть в разговоре с большими чинами жесткой и настойчивой, не повышая голоса...

А уж как легка на подъем! «Нина Олеговна, мы решили сделать материал о сборном пункте в Нерехте, не составите компанию?» – «Поеду! Сама хочу посмотреть, что там изменилось». И было видно невооружённым глазом, как она радовалась, что появилась там своя баня, а вместо нар – двухъярусные кровати,

¹ Молодежная линия (Кострома). 2003. 18 декабря. С. 1.

На круглом столе «Защита прав призывников и военнослужащих». 2010 г. Из архива КСМ.

и что в столовой будущих солдат вкусно кормят. В этом она убеждалась сама, отобедав. И непременно расплачивалась – тут особо была щепетильна. Вряд ли преувеличу, если скажу, что произошедшие преобразования на областном сборном пункте во многом заслуга комитета солдатских матерей и лично его председателя. Потому что о всех вопиющих недостатках Терехова «била в колокола», а их исправление держала на контроле. И как никто Нина Олеговна умела разговаривать с мальчишками-призывниками, за которыми вот-вот должны приехать «покупатели», давала дельные рекомендации, как вести себя в части, куда в случае чего обращаться.

Комитет солдатских матерей Костромской области – её детище. А началось все с того, что в отделение партии «Яблоко», где работала Нина Олеговна, пришёл искать правду бывший военный лётчик. Ему государство срезало пенсию, уравнив с техниками, не поднимавшимися в небо. Полтора года её хлопот – и справедливость восторжествовала. После этого случая к ней с разными проблемами стали обращаться военнослужащие, и тогда Нина Олеговна написала в Комитет солдатских матерей России заявление с просьбой принять в его состав. Это сейчас благодаря движению солдатских матерей армия стала более открыта, а тогда все было по-другому. Их называли чуть ли не пособниками ЦРУ, обвиняли в подрыве авторитета армии. Но именно они становились последней надеждой для множества ребят, попавших в трагические ситуации.

² Молодежная линия (Кострома). 2004. 7 января. С. 5.

³ Молодежная линия (Кострома). 2005. 19 мая. С. 4.

Обвинять Нину Терехову в предвзятом отношении к армии было нелепо, ведь сама она из рода, где мужчины все были связаны с военным делом. И она – дочь, внучка и правнучка военнослужащих. В давнем интервью Нина Олеговна говорила: «Верю, что в Вооружённых силах есть настоящие люди, но надо признать: сама армия очень больна».²

О мальчишках-солдатах переживала всей душой, воистину по-матерински. Рассказывала: «Когда мой муж был лейтенантом, я знала поимённо каждого солдата в его взводе. Мы вместе ходили в музеи, театры, устраивали чаепития. И был у нас замечательный старшина, являвшийся для всех солдат одновременно и отцом, и матерью, и нянькой, и строгим начальником. Он знал все о всех. Боже упаси, если у кого стряслось что! Я до сих пор не понимаю, зачем все это надо было уничтожать. В современной армии над солдатом масса начальников, но на деле за него не отвечает никто! Исключения, к сожалению, редки».³

За минувшие годы много что изменилось в нашей армии. Нет прежней чёрной дедовщины, возвращается престиж военных погон, солдаты уж не несут службу на строительстве командирских дач. Но стала ли ценнее жизнь солдата? В одном я убеждена: позиция Тереховой и сегодня отличалась бы принципиальностью.

Последний раз я виделась с Ниной Олеговной накануне Нового 2013 года в комитете солдатских матерей на улице Симановского. Она была уже сильно исхудавшей, говорила почти шёпотом. Рассказала, что создают здесь Стену памяти военнослужащих, погибших в афганской и чеченской войнах и во время прохождения службы. Мол, собирают сейчас материалы и фотографии, а на открытие обязательно будут приглашены матери, потерявшие своих сыновей. До открытия выставки Нина Олеговна не дожила...

Что и говорить, уникальным личностям замены нет. Но у них можно хотя бы учиться.

Из архива КСМ. 2005 г.

Содержание

Нина Терехова: Краткая биографическая справка.....3

СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

Нина Терехова: «Наша армия тяжело больна».....4

Нина Терехова: «Буду рада, если комитеты солдатских матерей останутся без работы».....10

«Деды» и матери.....13

«Такая форма садизма может процветать в атмосфере вседозволенности»17

Беседа Людмилы Алексеевой и Нины Тереховой19

«Защитить защитника»23

Комитет солдатских матерей.....29

ВОСПОМИНАНИЯ

Валентина Бельчинская: «Моя дочь невероятно любила жизнь»30

Тамара Добрецова: «Она не боялась говорить правду в глаза»36

Ирина Резникова: «Человек-миссия»39

Игорь Свешников: «Добивалась справедливости»41

Галина Калашникова: «Всю нашу боль пропустила через своё сердце»43

Рузанна Севикян: «Её деятельный характер примагничивал людей.....45

Георгий Эдельштейн: «Переживала за каждого».....46

Алевтина Новикова: «Она и сейчас нас подбадривает»47

Комитет солдатских матерей Костромской области

Защита прав призывников, военнослужащих и их родителей

«Горячая линия»: +7 910 9208252

Тел./факс: +7 4942 453401

Сайт: ksm-kostroma.org

E-mail: ksm.kostroma@gmail.com

Страницы:

facebook.com/ksm.kostroma

instagram.com/ksm.kostroma

twitter.com/ksm_kostroma

t.me/ksm_kostroma

vk.com/ksm.kostroma

ok.ru/ksm.kostroma

ksm-kostroma.livejournal.com

ISBN 978-5-6041834-0-3

